

УДК 821

*Н.А. Макурина***ПАРОДИЙНЫЙ ХАРАКТЕР ОБРАЩЕНИЯ К ОБРАЗУ В. Г. БЕЛИНСКОГО В РОМАНАХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» И «БЕСЫ»**

В статье рассматривается пародийное освещение фигуры Белинского в романах «Преступление и наказание» и «Бесы», а именно тот пласт пародийного плана романов, в котором происходит отмеченный Кирпотиным временной сдвиг, когда Достоевский, смещая хронологию, отождествлял идейный опыт Белинского с умонастроениями нигилистов-шестидесятников. Круг проблем, волновавших в свое время Белинского и пародийно осмысленный в названных романах представителями молодого поколения, может быть очерчен следующим образом: женский вопрос, институт семьи и брака, национальные традиции и обряды, религия, социализм. В случае Лебезяникова в «Преступлении и наказании» и «наших» в романе «Бесы» «прошлое» в лице Белинского и его идей оказывается «использовано» доведением до абсурда, до абсолютной дискредитации. Но одновременно это прошлое подается как подмененное, искаженное – и вместо публичной порки либералов 40 гг. пародия оказывается «палкой о двух концах»: она метит в сторону совокупных «бесов» (отцов-либералов и детей-нигилистов), но вопреки замыслу автора, обнажает и подчеркивает принципиальную разницу между «отцами» и «детьми».

Ключевые слова: литературная пародия, нигилизм, преемственность, прецедентный текст, объект пародии.

Определение Ф.М. Достоевским своего места и в литературной, и в общественной жизни России с самого начала творческого пути и на всем протяжении его происходило через со- и противопоставление своего образа мыслей и своего взгляда на характер литературного творчества со взглядами признанных авторитетов эпохи: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Белинского, Гончарова, Тургенева, Салтыкова-Щедрина и др. И процесс этот, вскрывавший внутренние противоречия и парадоксы мироощущения писателя, был непрерывен, а исход его на каждом новом витке творческой полемики – непредсказуем. Первое было обусловлено постоянной потребностью Достоевского сверять свое положение относительно им самим для себя заданных ориентиров; второе – тем, что личные, сокровенные, со всей страстью переживаемые Достоевским чувства, облекаясь на страницах повестей и романов в художественную форму, преломлялись порой самым неожиданным образом, обнаруживая стороны и свойства, выявить которые способны только истинно художнические чутье и талант.

История с самого начала непростых взаимоотношений Белинского и Достоевского известна нам из эпистолярных материалов, статей «Дневника писателя» Достоевского, многочисленных воспоминаний современников – Тургенева, Панаевых, Анненкова и др., она обобщена и пересказана в работах биографов Достоевского – К. Мочульского, Л. Гроссмана, В. Нечаевой, Ю. Селезнева, Л. Сараскиной; наиболее значительным трудом по данной теме до сих пор является монография В. Кирпотина «Достоевский и Белинский», в которой обстоятельно описан характер переключек между идеями Белинского и книгами Достоевского.

Создавая свое первое произведение, Достоевский с трепетом и волнением ожидает приговора Белинского, который к тому моменту уже был признан современниками как главный выразитель передовых демократических идей, провозвестник и вдохновитель готовящихся социальных переустройств. «Белинского я читал уже несколько лет с увлечением, но он мне казался грозным и страшным и – «осмеет он моих “Бедных людей”» – думалось мне иногда» [8. Т. 25. С. 28] – вспомнит Достоевский свои первые литературные шаги спустя около 30-ти лет в «Дневнике писателя». Восторг оправданного ожидания Достоевский переживал как одно из самых сильных впечатлений. Теплые воспоминания об этом моменте своей творческой биографии он подарит герою «Униженных и оскорбленных»: «И вот вышел наконец мой роман. Еще задолго до появления его поднялся шум и гам в литературном мире. Б. обрадовался как ребенок, прочитав мою рукопись» [8. Т. 3. С. 186]. Спустя много лет в «Дневнике писателя» за 1877 год Достоевский, вспоминая первую похвалу Белинского, признается: «Это была самая восхитительная минута во всей моей жизни. Я в каторге, вспоминая ее, укреплялся духом» [8. Т. 25. С.31].

Однако отношение Достоевского к Белинскому и, особенно, к провозглашенным им идеям, к той роли, которую он сыграл в определении направления русской общественной мысли, не было ни однозначным, ни постоянным. Разрыв с кружком Белинского, чтение знаменитого письма Гоголю,

косвенно ставшего причиной обвинительного приговора Достоевскому, духовные искания, пережитые на каторге, и мучительные сомнения относительно природы нигилизма 60 гг. – все эти и личные, и продиктованные временем обстоятельства то воскрешали в памяти Достоевского светлый образ Белинского, мыслителя страстного и глубокого, то провоцировали резко негативные оценки. Последние хронологически соотносятся в основном со временем работы Достоевского над романом «Бесы».

Кирпотин по поводу противоречивости оценок Достоевским личности Белинского, полемического отношения писателя к критику замечал: «Признавал ли Достоевский идеалы Белинского или отвергал их, притягивался к ним или отталкивался от них, – он всегда это делал для того, чтобы лучше понять людей и типы, факты и обстоятельства, чтобы за внешним, кажущимся, разглядеть существо, законы раскачивающегося океана русской общественности, русской, да и всемирной истории» [11. С. 21].

Нельзя, однако, одним стремлением постичь истину, понять смысл общественных и исторических процессов объяснить логику творческих исканий Достоевского. Для Достоевского, которого Айхенвальд назвал «человеком с воспаленной душой» [1. С. 234], это слишком мирная и слишком «гладкая» цель. Не только желанием запечатлеть историческое состояние общества, определить свою собственную позицию относительно нигилизма в России вдохновлялся Достоевский, работая над «Бесами». Муза его требовала состояния высшего эмоционального напряжения, питаемого наличием личной, а не отвлеченной и не метафорической мишени.

Надо заметить, что полемика как художественный принцип особенно ценилась писателем: «Полемика, – пишет он Страхову в феврале 1869 г., – есть чрезвычайно удобный способ к разъяснению мысли, у нас публика слишком любит ее. Все статьи, например, Белинского имели форму полемическую» [8. Т. 29(1). С. 18]. Примечательно здесь именно то, что Достоевский как будто пытается выстроить цепочку аргументов, обосновывающую его собственную творческую ориентацию на спор, на идеологическую борьбу: 1) «удобство» для разъяснения мысли, 2) актуализация читательского интереса, 3) опора на авторитет Белинского. Думается, однако, что полемика для Достоевского была не просто выбранной в результате логических построений стратегией: её, скорее, следует считать в данном случае органической писательской необходимостью.

Именно этот момент акцентирует Мочульский, размышляя над той ролью, которая была отведена Достоевским Тургеневу в период работы над «Бесами»: «Достоевский задумывал роман о новой России, осознавал себя русским и христианином, и ему нужен был враг, живая конкретная личность, с которой можно было вести спор. Все его творчество – внутренняя полемика, явная или скрытая. Для создания положительного идеала ему необходимо отталкиваться от отрицательной реальности. Гений его раскрывается только в борьбе, природа его – диалектическая» [14. С. 266-267]. На наш взгляд, это определение подходит и для характеристики отношений Достоевский – Белинский этого же периода. Тема эта масштабная, нас же в контексте изучения пародии в творчестве Достоевского интересуют именно те случаи, когда полемика начинает приобретать пародийный характер, а оппонент превращается в объект пародии – как это произошло с Гоголем в повести Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели».

Вскоре после появления статьи Ю. Тынянова «Достоевский и Гоголь (к теории пародии)», которая может считаться началом исследования пародии в творчестве Достоевского, Г. Чулков выдвигает мысль о наличии пародии на Белинского в одном из диалогических фрагментов «Братьев Карамазовых» – разговоре между Алешей и Колей Красоткиным в десятой книге четвертой части романа [21. С. 61-81]. Ссылаясь на Чулкова, С. Борщевский усматривает связь между пародией на революционные идеи Белинского, вложенные в «уста бойкого мальчика, дурно развиваемого нигилистом и атеистом Ракитиным» [3. С. 324] в «Братьях Карамазовых» и пародийной ситуацией в «Испорченных детях» Салтыкова-Щедрина. Л. Гроссман полагает, что против Белинского направлена пародия в повести «Село Степанчиково и его обитатели» [5. С. 221-222], аргументацию исследователя усиливает С. Кибальник, указывая на криптопародийный план повести, в котором прослеживается связь между пародией Гоголя на зальцбрунское письмо Белинского во втором томе «Мертвых душ» и пародией на Белинского, созданной Достоевским в «Селе Степанчиково» [10. С. 92-99]. Черты Белинского обнаруживаются в собирательном комическом образе либерала 40-х гг. – Степане Трофимовиче Верховенском из романа «Бесы». Последней полемической отсылкой к Белинскому станет выступление Достоевского на Пушкинском празднике 1880 г. Соотнося речи Тургенева и Достоевского, Г. Ребель отмечает: «оба оратора в этом, как и во многих других случаях, опираются на Белинского, причем Достоевский, построивший свою речь во многом на развитии идей Белинского и на полемике с ним, ни разу не назвал его прямо» [16. С. 283].

Прежде чем обратиться к пародийному освещению фигуры Белинского в романе «Бесы», что является в данном случае главным предметом нашего интереса, мы, для полноты картины, намерены остановиться и на отсылающих к Белинскому пародийных смыслах романа «Преступление и наказание».

Анализируя в заданном аспекте роман «Преступление и наказание», сосредоточимся на фигуре Андрея Семеновича Лебезятникова. Предъявление этого героя начинается с убийственной характеристики, которая дискредитирует его идеологически и нравственно: «Это был один из того бесчисленного и разноличного легиона пошляков, дохленьких недоносков и всему недоучившихся самодуров, которые мигом пристают непременно к самой модной ходячей идее, чтобы тотчас же опошлить ее, чтобы мигом окарикатурить всё, чему они же иногда самым искренним образом служат» [8. Т. 6. С. 279]. Лебезятников – очевидная карикатура прежде всего на «новых людей» – молодое поколение прогрессистов и «нигилистов» 60-х гг. в первую очередь – Чернышевского, Добролюбова и Писарева. Но связь того комплекса идей, носителем, а вернее, искажителем которых является Лебезятников, с идеями, которые формулировались и звучивались при Достоевском в кружке Белинского в 40-х гг., по убеждению самого Достоевского, прямая, тесная и – причинно-следственная.

На то, как в «Преступлении и наказании» соотносятся идеологические построения социалистов 40-х и 60-х гг. обращает внимание Кирпотин: «Достоевский, необычайно точно считавший время, поскольку речь шла о фабульно-сюжетной стороне повествования, не раз смешал хронологию, сближая, а то и отождествляя идейный опыт времен Белинского и Герцена с идейными настроениями шестидесятых годов» [12. С. 43], – это важное для нас замечание, поскольку именно посредством обозначенного исследователем отождествления идеологических систем, как нам кажется, обеспечивается пародийная связь между Лебезятниковым и Белинским. Кирпотин этот, как он его называет, «анахронизм» рассматривает применительно к Раскольникову. Лебезятникову же он в подобном смещении-смешении времен отказывает, называя последнего «специфическим продуктом 60-х годов» [12. С. 16]. «Время сильно подчеркнуто в романе образом “нигилиста” Лебезятникова» [12. С. 16] – отмечает исследователь. Это верно, но лишь наполовину, так как в образе Лебезятникова пародия на шестидесятников, на наш взгляд, совмещена с пародийным осмыслением Белинского как их вдохновителя, идеологического отца, родоначальника нигилистических теорий. Тем более, Достоевский уже позднее, вынашивая замысел романа «Бесы», а после – работая над ним и комментируя его, в письмах и в «Дневнике писателя» сам настоятельно подчеркивал эту связь и соответственно объяснял ее характер: «Все эти либералишки и прогрессисты, преимущественно школы еще Белинского, ругать Россию находят первым своим удовольствием и удовлетворением» [8. Т. 28(II). С. 210] – пишет он А. Майкову в августе 1867 г.; «...болезнь, обуявшая цивилизованных русских, была гораздо сильнее, чем мы сами воображали, и что Белинскими, Краевскими и проч. дело не кончилось» [8. Т. 29(I). С. 145], – пишет уже в 1870 г. все тому же Майкову.

В гневе Достоевский в письмах Страхову 1871-го г. называет Белинского «смердной букашкой» [8. Т. 29(I). С. 208], «самым смердным, тупым и позорным явлением русской жизни» [8. Т. 29(I). С. 215], обвиняя его в том, что тот «проклял Россию» [8. Т. 29(I). С. 208]. В «Дневнике писателя» за 1873 г. Достоевский сообщает: «Я уже в 46 году был посвящен во всю правду этого грядущего “обновленного мира” и во всю святость будущего коммунистического общества еще Белинским» [8. Т. 21. С. 131].

Очевидно, что это убеждение родилось не вдруг, и вполне резонно предположить в образе Лебезятникова раннюю пародийную вариацию на «нигилистическую» тему, тогда как «Бесах» соответствующая задача продекларирована самим автором и решается более масштабно и развернуто.

Обращение к Белинскому в романе «Бесы» характеризуется сложностью и многовариантностью и, безусловно, не ограничивается интересующим нас пародийным соотношением личности Белинского и романских нигилистов-шестидесятников. Во-первых, имя Белинского прямо упоминается в тексте – и неоднократно. Уже в первой главе, знакомя читателя с биографией Степана Трофимовича Верховенского, Хроникер замечает: «его имя многими тогдашними торопившимися людьми произносились чуть не наряду с именами Чаадаева, Белинского, Грановского и только что начинавшего тогда за границей Герцена» [8. Т. 10. С. 8]. Это подсказанное Хроникером сближение позволяет исследователям рассматривать Степана Трофимовича как собирательную пародию, в которой Белинский выступает одним из основных объектов пародирования. «Основным прототипом Степана Трофимовича был Грановский, однако для Достоевского он ассоциировался постоянно и с Белинским» [11. С. 166], – пишет по этому поводу Кирпотин. Справедливость этой мысли подтверждается и тем, что со временем работы над романом совпадают эпистолярные критические высказывания Достоев-

ского о Белинском. Во-вторых, Белинский в романе выступает и в качестве идеологического противника, и в качестве авторитета-идеолога. С ним спорят, к нему апеллируют, на основе его теоретических построений дебатировать герои романа. В этом отношении примечательны два эпизода, в которых локализованы, сконцентрированы наиболее болезненные для Достоевского вопросы, связанные с личностью Белинского: диалог между Степаном Трофимовичем и Шатовым в конце первой главы первой части романа и глава «У наших».

Пародия предполагает наличие прецедентного текста, что в случае с пародией на Белинского следует оговорить особо. Проводя параллели между Белинским и обстоятельствами и героями, описанными в названных романах, в качестве основной доказательной базы мы будем использовать частную переписку Белинского как более достоверный и полный источник, передающий логику либеральных и социалистических рассуждений критика. Достоевский не был в числе постоянных корреспондентов Белинского и писем его во время работы над романами «Преступление и наказание» и «Бесы» читать не мог (первый сборник писем Белинского был опубликован А. Пыпиным в 1876 г.). Однако какое-то время он был членом кружка Белинского и имел возможность познакомиться с его взглядами и убеждениями, возможно, даже в тех же самых формулировках, в которых они воспроизводились в переписке. На первостепенную роль личных встреч в определении отношения Достоевского к Белинскому указывает Чулков: «Свидания с Белинским произвели на художника сильнейшее впечатление, – того же нельзя, по-видимому, сказать о статьях критика. О них Достоевский почти не упоминает. Это вполне понятно. Личность Белинского (это видно из его писем) была гораздо выразительнее, чем его статьи» [21. С. 81]. Последнее утверждение вызывает у нас сомнения: масштаб личности Белинского и значимость его литературно-критической деятельности – величины, возможно, не равновеликие, но совершенно точно взаимообусловленные. Так или иначе, мы сталкиваемся с парадоксом, под который следует подвести теоретическое обоснование: с одной стороны, эффект пародии является результатом межтекстового взаимодействия и наличие текста-первоисточника обязательно. И мы далее приведем примеры, доказывающие наличие текстуальных связей между перепиской Белинского и романами Достоевского. Но в нашем случае текст, доступный современному интерпретатору, автору пародии известен не был. В роли прецедентного «текста» здесь выступает сама личность известного человека и его устные высказывания, которые, в свою очередь, отразились в письмах. Можно сказать так: Достоевский пародирует не опубликованные тексты критических статей, не переписку, на которую мы будем ссылаться, а именно склад мышления, характер убеждений, запечатлевшийся в памяти всех, кто общался с Белинским, и очень ярко отразившийся в его эпистолярном наследии.

Проследим пародийные преломления социалистических идей Белинского в романах «Преступление и наказание» и «Бесы».

Большая часть теоретических положений, которые излагает Лебезятников, формулируется в ходе разговора между ним и Лужиным накануне поминок в семье Мармеладовых. Поднимаются, в частности, вопросы, волновавшие в свое время и Белинского – о положении женщины и её равенстве в правах с мужчиной, об институте семьи и брака, о национальных традициях и обрядах.

Забегая вперед, скажем, что пародийные отсылки к Белинскому в романе «Бесы» возникают в рамках этой же проблематики, актуализированной в 60-е годы Н.Г. Чернышевским в романе «Что делать?», на который Достоевский прямо ссылается в «Бесах».

Белинский немало внимания уделял *женскому вопросу*, в его письме Боткину в сентябре 1841 года содержатся строки, характеризующие справедливое общественное устройство, в котором женщина, равно как и мужчина, сможет сама распоряжаться собой: «Женщина не будет рабою общества и мужчины, но, подобно мужчине, свободно будет предаваться своей склонности, не теряя доброго имени, этого чудовища – условного понятия» [2. С. 71].

С этой мыслью Белинского пародийно соотносятся две реплики Лебезятникова, сказанные по разным поводам. Оправдываясь за драку с Катериной Ивановной, Лебезятников, подводит под эту акцию идеологическую базу: «...я даже думал, что если уж принято, что женщина равна мужчине во всем, даже в силе (что уже утверждают), то, стало быть, и тут [то есть в драке. – Н.М.] должно быть равенство» [8. Т. 6. С. 281]. А на вопрос Лужина о Софье Семеновне, Лебезятников опять-таки вместо прямого ответа ссылается на теорию социального устройства общества, согласно которой «это самое нормальное состояние женщины и есть. Почему же нет?<...> В нынешнем обществе оно, конечно, не совсем нормально, потому что вынужденное, а в будущем совершенно нормально, потому

что свободное» [8. Т. 6. С. 282-283]. Мысль Белинского о том, что женщина «не будет рабою мужчины» получает пародийное осмысление: «будет на основаниях равенства бита мужчиной». Предсказанная же Белинским возможность женщины «свободно предаваться своей склонности» у Лебезятникова превращается в одобренную и легитимизированную обществом проституцию. Заметим, что это тот случай, когда пародийность высказываний героя налицо, прямой объект пародии – социалистические идеи шестидесятников – очевиден, а за ним несомненно маячит его первоисточник, т.е. идеи Белинского. Но на основании этих примеров невозможно однозначно сказать, что именно пародируется: идеи Белинского или их искаженное, утрированное восприятие его последователями.

Отношение Белинского к вопросу *семьи и брака* высказывается им в переписке неоднократно, иногда в резкой, безапелляционной форме. Брак по Белинскому – «вздор» [2. С. 31], «страшные узы» [2. С. 28], «установление антропофагов, людоедов, патагонов и готтентотов, оправданное религиею и гегелевскою философиєю» [2. С. 53]. «Когда люди будут человечны и христианны, когда общество дойдет до идеального развития – браков не будет» [2. С. 28] – предвкушает Белинский. Лебезятников же, обращаясь к Лужину, только что отвергнутому невестой, Авдотьей Романовной Раскольниковой, горячо убеждает его в ненужности законного брака: «К чему вам непременно эта законность в браке? Ну, если хотите, так бейте меня, а я рад, рад, что он не удался, что вы свободны, что вы не совсем еще погибли для человечества, рад...» [8. Т. 6. С. 289].

Примечательно, что Белинский в своих рассуждениях о семье и браке прибегает к форме диалога между гражданскими супругами, свободными от обязательств брака: «Не будет мужей и жен, а будут любовники и любовницы, и когда любовница придет к любовнику и скажет: “Я люблю другого”, любовник ответит: “Я не могу быть счастлив без тебя, я буду страдать всю жизнь; но ступай к тому, кого ты любишь”» [2. С. 70-71]. Подобные речи, текстуально близко воспроизведенные и сюжетно реализованные в романе «Что делать?», воспроизводятся в «Преступлении и наказании» в заведомо обрекающем их на пародийное звучание в контексте, т.к. вкладываются в уста «дохленького недоноска» Лебезятникова.

Развивая мысль о прелестях гражданского брака, Лебезятников выступает с путанной и абсолютно алогичной тирадой о супружеских «рогах», которые приравнивает к протесту, причем делает это в диалогической форме, подобной той, что используется Белинским: «И если я когда-нибудь, – предположив нелепость, – буду в законном браке, то я даже рад буду вашим растреклятым рогам; я тогда скажу жене моей: “Друг мой, до сих пор я только любил тебя, теперь же я тебя уважаю, потому что ты сумела протестовать!”» [8. Т. 6. С. 289] Мысль о *возможности* супружеской измены Лебезятников доводит до мысли о *необходимости* измены: «я бы, кажется, сам привел к жене любовника, если б она долго его не заводила. “Друг мой, – сказал бы я ей, – я тебя люблю, но еще сверх того желаю, чтобы ты меня уважала, – вот!”» [8. Т. 6. С. 290]

В «Бесах» идея нелепости законного брака и необходимости личного самоутверждения женщины путем измены мужу демонстрируется на материале семейных отношений нескольких пар нигилистов. В случае, например, с супругами Виргинскими мысль об измене уже не просто витает в воздухе как допустимая, измена совершается как необходимое доказательство свободы женщины, из принципа, именно как протест, а измышленная Лебезятниковым формула супружеского великодушия и «прогрессизма» буквально воспроизводится Хроникером при передаче слухов о реакции Виргинского на данную ему женой «отставку»: «Уверяли, что Виргинский <...> сказал ей: “Друг мой, до сих пор я только любил тебя, теперь уважаю”, но вряд ли в самом деле произнесено было такое древнеримское изречение; напротив, говорят, навзрыд плакал» [8. Т. 10. С. 29]. Примечательно, что здесь же фиксируется невозможность беспрекословного следования социалистическим принципам семейного общежития: дело не просто в том, что смелости и терпения воплощать в жизнь заданную программу и играть заранее придуманные роли хватает не у всех; дело в том, что жизнь, душа человеческая глубже и шире любой теории. Виргинский мог «плакать навзрыд» не потому, что недостаточно «либерален», а потому что он живой человек, способный любить, испытывать боль, переживать предательство и – не вписываться в умозрительную схему.

Н.Л. Сухачев, комментатор романа «Бесы», называет два возможных источника фразы «до сих пор я только любил тебя, теперь уважаю», так настойчиво вкладываемой Достоевским в уста своих героев: роман Чернышевского «Что делать?» и высказывание Бенкендорфа, обращенное к Каратыгину: “До сих пор я вас любил, как человека талантливого, а теперь уважаю, как человека честного”» [7. С. 807]. Однако формулировка, очевидно, была распространена раньше появления романа Черны-

шевского, и не исключено, что слышать её Достоевский мог именно от Белинского. По крайней мере, последний её в явно ироническом контексте использует уже в 1842 г. в одном из писем В.П. Боткину: «Панаев прослезился от умиления, услышав о твоём кутеже: говорит, что прежде только любил тебя, а теперь-де уважает» [2. С. 92].

Примечательно, что Хроникёр, описывая отношения между супругами Виргинскими и трехнедельный брак между Шатовым и Marie объединяет Шатова и Виргинского словом «семьянин», заключенным в кавычки, – для Достоевского семья и нигилизм явились понятиями несовместными. Это убедительно доказывает Василий Розанов, приводя в качестве примера пространный эпизод, описывающий роды Marie, и резюмируя его словами: «Мы от себя высказали, что рождение и все около рождения – религиозно; и теперь приводим иллюстрацию, что оно – воскрешает, и даже воскрешает из такой пустынности отрицания, как наш нигилизм. Нигилисты – все юноши, т. е. еще не рождавшие; нигилизм – весь вне семьи и без семьи. И где начинается семья, кончается нигилизм» [15. С. 44]. Семья, обретенная Шатовым, воскресившая его, определившая наконец его положение относительно нигилизма, перестает существовать самым трагическим образом по вине того же нигилизма. Для Виргинской, акушерки, сопровождающей чудо рождения вольнодумными комментариями, семьи в истинном её значении никогда не существовало. В этом смысле её супруг куда более чуток: посвященный в то, что у Шатова родился ребенок, осознавая чудо обретения Шатовым семьи, он, пораженный совершенным на его глазах и при его участии убийством, восклицает: «Это не то, не то! Нет, это совсем не то!» [8. Т. 10. С. 431].

Указав на Белинского как на первоисточник тех социалистических идей, которые герои Достоевского трактуют буквально и реализуют бездумно, следует подчеркнуть принципиальную разницу между пародийными персонажами романов «Преступление и наказание» и «Бесы» и их реальным «прототипом» и «учителем».

Белинский идеями своими живет и дышит, примеряет их к действительности и проверяет на жизнеспособность своей собственной судьбой. В переписке Белинского с будущей женой, Марией Орловой, его идеологическая цельность и последовательность очень хорошо прослеживаются. Любовь и желание обрести друга в лице женщины вступает здесь в борьбу с убеждениями – и в конце концов заставляет его идти на уступки, соглашаться с объективными обстоятельствами реальной жизни: спустя недели переговоров, засыпав свою невесту множеством аргументов, он уже готов ехать в Москву сам, чтобы брак в его традиционной форме наконец свершился. Это противоречие в «Дневнике писателя» за 1873 г. отмечает Достоевский, указывая, что, с одной стороны, Белинский стремился «низложить ту религию, из которой вышли нравственные основания отрицаемого им общества», в частности «семейство, собственность», а с другой стороны – «он был тоже хорошим мужем и отцом, как и Герцен» [8. Т. 21. С. 10]. Вот этот разрыв между теорией и «натурой», о котором говорит Разумихин, который становится источником бед героев-идеологов Достоевского, судя по всему, писатель воочию наблюдал, а затем идеологически и художественно осмыслял опять-таки именно на примере Белинского, отталкиваясь от его личности и судьбы.

Еще один знаменательный пункт идеологических построений Белинского, пародийно осмысленный Достоевским, связан с *отрицанием традиций и обрядов*. За два года до свадьбы критик пишет Боткину: «Да здравствует разум и отрицание! К дьяволу предание, формы и обряды! Проклятие и гибель думающим иначе!» [2. С. 27]. О предстоящей свадьбе пишет он невесте, например, следующее: «Ведь я приеду в Москву за тем, чтобы сперва разыграть интересную роль жениха, а потом не менее интересную роль молодого (что за милые термины!); это, по-видимому, пустое обстоятельство обязывает меня, кроме траты на проезд и житье в Москве, истратить еще немало денег на фрак, белый жилет, белый галстук, словом, на костюм, приличный обстоятельству» [2. С. 204-205]. Обряд здесь выступает как воплощение архаики, мертвого ритуала, традиции как воплощения косности и неуместности.

Именно в этом духе воспринимает обряд поминок по Семену Захаровичу Мармеладову Лебезятников: «Я просто по принципу не пойду, чтобы не участвовать в гнусном предрассудке поминок, вот что! Впрочем, оно и можно бы было пойти, так только, чтобы посмеяться... Но жаль, что попов не будет. А то бы непременно пошел» [8. Т. 6. С. 282].

Еще дальше в этом плане продвинулась мадам Виргинская: с одной стороны, договорившись с мужем «взаимно, раз навсегда, что собирать гостей в именины совершенно глупо, да и “нечему вовсе радоваться”» [8. Т. 10. С. 300], с другой стороны, она не отказывает себе в присутствии на христианских обрядах крестин рожденных с ее помощью младенцев из соображений сугубо меркантильных:

«попробовали бы вы, взяв бокал, не положить ей “на кашу”» [8. Т. 10. С. 301]. «Идейность» перестает дозвучивать там, где появляется возможность преумножения или сохранения капитала.

Рассмотренное выше описание уклада жизни семейства Виргинских входит в экспозицию главы «У наших». На этой главе нам следует остановиться особо: здесь пародийно преломленная полемика с Белинским предьявлена наиболее объемно, на протяжении всей главы происходит последовательное комическое снижение идеологических построений Белинского и одновременно – дискредитация его «последователей», которые в данном случае так же «похожи» на учителя, как Ситников на Базарова.

Достоевский, вспоминая свои первые встречи с Белинским, пишет: «Я застал его страстным социалистом, и он прямо начал со мной с атеизма» [8. Т. 21. С. 10]. К атеизму Белинского он нередко обращается в письмах – очевидно, что на начинающего писателя и молодого человека Достоевского «богохульные» речи литературного наставника производили очень сильное впечатление, в главе «У наших» изображено именно «ученическое», подражательное, в качестве готовой догмы усвоенное богохульство: студентка Виргинская прямо начинает с атеизма, чем вызывает негодование своего дяди: «Вот-с, я ее на руках носил, с ней, десятилетней, мазурку танцевал, сегодня она приехала, натурально лечу обнять, а она мне со второго слова объявляет, что бога нет. Да хоть бы с третьего, а не со второго слова, а то спешит!» [8. Т. 10. С. 307]. Этот эпизод может быть, как нам кажется, пародийно соотнесен с репликой Белинского, запечатленной в воспоминаниях Тургенева (о том, что Достоевский мог ими пользоваться см. комментарии Н.Ф. Будановой к роману [4. С. 681]): «Мы не решили еще вопроса о существовании бога, <...> а вы хотите есть» [19. С. 34]. В этой формулировке любопытна сама логика постановки в один ряд духовного и материального, которая, как отмечают исследователи, характерна и для языкового уровня романа «Бесы». В частности, на этой особенности заостряет внимание Т.А. Касаткина, называя её «стилистическим “отрицанием бога”» [9. С. 116] и приводя в качестве примера подмену словом «организм» слово «душа» и фразы типа «“семью держал в страхе Божиим и взаперти”, “впадал в... “гражданскую скорбь” <...> стал впадать и в шампанское” и т. п.» [9. С. 116] Болезненный для Достоевского и не менее болезненный для Белинского вопрос о существовании бога майор на собрании у *наших* тоже решает, отождествляя духовное и земное, материальное: «Утром, конечно, развлечешься, и опять вера как будто пропадет, да и вообще я заметил, что днем всегда вера несколько пропадает» [8. Т. 10. С. 307]. То есть если для Белинского вопрос существования бога – кардинальный вопрос бытия, без решения которого невозможно обыденное существование, то «бесы» Достоевского, напротив, заземляют, материализуют этот вопрос, низводят его на уровень «желудка».

Еще один важный пункт расхождения Достоевского с идеями Белинского – вопрос о будущем социальном устройстве – также становится объектом пародии на «именинах» Виргинского. Один из гостей, хромой учитель, защищает мысль о том, что в обсуждении политических проектов земного рая самоцелью может быть и сам факт обсуждения. Аргументируя эту точку зрения, гость ссылается на то, что Белинский предусматривал «даже самые мелкие, так сказать кухонные, подробности в будущем социальном устройстве» [8. Т. 10. С. 313]. В этой отсылке не только отражены личные впечатления Достоевского от посещения кружка Белинского, но и подмечена важная особенность – стремление Белинского детально, до мелочей предусмотреть грядущее жизнеустройство, его самозабвенная увлеченность идеей установления земного братства и всеобщей гармонии. «До чего-нибудь договориться можно, чем сидеть и молчать в виде диктаторов», – подхватывает Липутин [8. Т. 10. С. 313]. К концу заседания, выслушав пересказ хромым теории Шигалева, до возмутительной, даже с точки зрения присутствующих, мысли «договаривается» Лямшин: «А я бы вместо рая <...> взял бы этих девять десятых человечества, если уж некуда с ними деваться, и взорвал их на воздух, а оставил бы только кучку людей образованных, которые и начали бы жить-поживать по-ученому» [8. Т. 10. С. 312-313]. Истоками теории Шигалева и реплики Лямшина справедливо считаются утопические социалистические учения. Достоевский и сам тут же указывает на них («у Фурье, у Кабета особенно и даже у самого Прудона есть множество самых деспотических и самых фантастических предрешенный вопроса» [8. Т. 10. С. 313]). Кирпотин отмечает связь теории Шигалева с теорией Раскольникова и обе их соотносит с книгой Штирнера «Единственный и его собственность», подчеркивая при этом, что последняя была «отвергнута Белинским немедленно после ее появления и вовсе не походит на идеалы Белинского, Чернышевского и их друзей» [12. С. 176]. Стоит, однако, заметить, что и Белинский в своих метаниях, в изыскании средств к глобальным социалистическим преобразованиям впадал в крайности. В 1841 г. он пишет Боткину: «Я начинаю любить человечество маратовски: чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную» [2. С.52]. Шигалев признается, что его теория столкнулась с противоречием: «Выходя из безгранич-

ной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом» [8. Т. 10. С. 311]. Белинскому также был ясен печальный исход деятельности сильной личности, получившей власть над обществом: «Я чувствую, что будь я царем, непременно сделался бы тираном» [2. С. 52], – сообщает он Боткину.

Интересное наблюдение о характере собравшегося общества: Виргинские демонстративно и с отсылкой к Белинскому отрицают не только семейные узы, но и кровное родство, однако именно они, по иронии Достоевского, окружены самой многочисленной родней. На собрании присутствуют сами супруги Виргинские, сестра хозяйки и родная сестра Виргинского, девица Виргинская, прибывшая из Петербурга, Шигалев (брат Виргинской) и майор (близкий родственник Виргинского) – всего семь человек.

Рассматривая пародийное преломление идей Белинского в романе «Бесы» обратим внимание также на одно любопытное совпадение. Варвара Петровна Ставрогина от губернаторши Юлии Михайловны фон Лембке, пребывающей под влиянием нигилистов и заигрывающей с ними, получает новейшее «откровение» о том, что Сикстинская Мадонна Рафаэля с недавнего времени устарела, утратила свое значение произведения искусства: «Теперь все ничего не находят, и русские и англичане. Всю эту славу старики прокричали» [8. Т.10. С. 235]. Эту мысль Варвара Петровна трансформирует в упрек Степану Трофимовичу Верховенскому в том, что тот утаивает от нее новые идеи, тем самым мешая заполучить снова статус «первой дамы». Однако начинает Варвара Петровна не напрямую с рафаэлевой Мадонны. Логика их разговора выстраивается следующим образом:

1) Варвара Петровна уличает Степана Трофимовича в отставании от прогрессивных взглядов и заговаривает о его ошибочном, устаревшем отношении к милостыне, убеждая: «Милостыня развращает и подающего и берущего и, сверх того, не достигает цели, потому что только усиливает нищенство» [8. Т. 10. С. 264].

2) Переходя к обсуждению литературного вечера и узнав, что Степан Трофимович готовит рассказ о дрезденской Мадонне, Варвара Петровна восклицает: «Далась же вам эта Мадонна!» [8. Т. 10. С. 265].

Связь между этими двумя обвинениями-упреками кажется поверхностной, Варвара Петровна будто осыпает Степана Трофимовича наскоро подхваченными и перепетыми ею с чужого голоса формулами. Однако нам в контексте нашей работы показалась любопытной метатекстуальная переключка на логико-тематическом уровне между обвинениями Варвары Петровны по адресу Верховенского-старшего и содержанием письма Белинского Боткину 1847 г., в котором критик придерживается точно такого порядка изложения:

1) Вопиющая бедность германского народа, которую Белинский наблюдает вокруг себя во время путешествия, вызывает у него негодование: «Кто же не может найти себе места собаки или лошади, тот просит милостыню. <...> как отказать ему в зильбергроше, а между тем, как же и давать всем им, когда их гораздо больше, нежели сколько у меня в кармане пфеннигов? Страшно!» [2. С. 384].

2) В следующей фразе сообщается: «Был я в Дрезденской галерее и видел Мадонну Рафаэля. Что за чепуху писали о ней романтики, особенно Жуковский! По-моему, в ее лице так же нет ничего романтического, как и классического. Это не мать христианского бога; это аристократическая женщина, дочь царя, *idéal sublime du comme il faut*» [2. С. 384].

Письмо это не могло быть прочитано Достоевским, но и ход мысли (сопоставление земного – бедности, нищеты – и возвышенного – искусства), и отношение к шедевру Рафаэля – могли быть не только угаданы художническим чутьем Достоевского, но и уловлены, запомнены им со времени общения с Белинским.

Сам Достоевский трепетно относился к «Мадонне» Рафаэля. Об этом сообщается в воспоминаниях Анны Григорьевны Достоевской: «Муж мой, минуя все залы, повел меня к Сикстинской мадонне – картине, которую он признавал за высочайшее проявление человеческого гения» [6. С. 158-159]. Что же касается Белинского, то обвинение в непонимании искусства, эстетической слепоте часто становилось центральным в спорах о масштабе и роли его личности.

Белинский безусловно заложил основы грядущего *отрицания*: «...хочу золотого века, но не прежнего, бессознательного, животного золотого века, но приготовленного обществом, законами, браком, словом, всем, что было в свое время необходимо, но что теперь глупо и пошло» [2. С. 71]. Однако нигилисты Достоевского не просто «больше отрицают» – они все отрицают, и прогнозируемое ими будущее «свободное» общество ведет к тому, от чего отталкивается Белинский, – к торжеству *бессознательного и животного*.

Достоевский не мог не понимать и не чувствовать эту сложную «диалектику». Как идеолог, он выступает категорическим оппонентом Белинского в пору создания Пятикнижия. Но как художник он очень точно и тонко разводит пущенные в тираж социалистические идеи и их автора. С этой целью в романе «Преступление и наказание» сделан парадоксальный, на первый взгляд, но закономерный по существу ход. Тот же Лебезятников, который является пародийным транслятором доведенных до комизма, опошленных «идей Белинского», демонстративно отрекается от «учителя»: «Мы пошли дальше в своих убеждениях. Мы больше отрицаем! Если бы встал из гроба Добролюбов, я бы с ним поспорил. А уж Белинского закатал бы!» [8. Т. 6. С. 283]. Таким образом, Достоевский, в сущности, производит расподобление, возникает своеобразный перевертыш – из объекта пародии Белинский и Добролюбов превращаются в антагонистов пародийного персонажа.

Не менее интересно и сюжетное решение миссии Лебезятникова: будучи дискредитирован и высмеян как идеолог, он, тем не менее, выступает в роли защитника и спасителя Сони Мармеладовой. Все его поведение в ходе затеянной Лужиным провокации противоречит только что высказанным взглядам. Как сам он и оговаривается – «и хоть это против моих убеждений» [8. Т. 6. С. 306] – он поначалу искренне восхищен принятыми им за благотворительность действиями Лужина, который, помимо десятирублевой кредитки, данной Соне в руки, незаметно вкладывает ей в карман фартука сторублевый билет; а затем выступает разоблачителем мошенника и провокатора, и делает это из самых благородных побуждений. Позже именно Лебезятников бегом бежит к Соне, чтобы предупредить её об угрожающей Катерине Ивановне и детям опасности. И это очень любопытный и важный момент в эволюции отношения Достоевского к социалистам-шестидесятникам, и – опосредованно, через них – к Белинскому. Осуществив однозначную идеологическую дискредитацию нигилиста и нигилизма, Достоевский в «Преступлении и наказании», тем не менее, рисует не «беса», а заблудшего, глупого, но по сути своей искреннего и доброго человека.

Примечательно, что в «Дневнике писателя» за 1876 г. Достоевский, анализируя состояние общественной мысли, вновь указывает на наследственный характер нигилизма в России, но теперь Белинский мыслится им уже не как виноватый, не отрицается и не подвергается озлобленной критике, а, напротив, получает высокую оценку: «много ли было тогда воистину либералов, много ли было действительно страдающих, чистых и искренних людей, таких как, например, недавний еще тогда покойник Белинский (не говоря уже об уме его)?» [8. Т. 22. С. 101]

С одной стороны, и Лебезятников в «Преступлении и наказании», и *наши* в романе «Бесы» – и есть продукт, плод и результат доведения до логического конца идеи Белинского. С другой – сами они свидетельствуют о том, что произошла подмена. Та самая подмена, о которой Степан Трофимович Верховенский скажет: «Вы представить не можете, какая грусть и злость охватывает всю вашу душу, когда великую идею, вами давно уже и свято чтимую, подхватят неумелые и вытащат к таким же дуракам, как и сами, на улицу» [8. Т. 10. С. 24].

Л. Сараскина посвящает одну из своих работ рассуждениям о том, как значительна была роль сомнения, «фундаментального отличия мыслящей природы» [18. С. 84], в творчестве Достоевского. Исследовательница, описывая путь Достоевского к религиозному убеждению, приводит известное высказывание писателя: «Я скажу Вам про себя, что я – дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки». Заметим, что хоть и сам Достоевский имел в виду именно религиозное чувство, сомнением можно объяснить также его попытку определиться в своем отношении ко многим мучавшим его на протяжении жизни вопросам. В этом случае, как нам кажется, роль пародии, создаваемой в художественном произведении особенно велика. Высмеивая то, что подвергается сомнению, художник создает картину объективную, честную по отношению к действительности и самому себе. Исследователь теории пародии, Драган Куюнжич, пародию называет актом «повторной переработки», «который позволяет нам отдавать прошлому дань памяти и должным образом хоронить это прошлое, но при этом оживлять его, снова пускать в оборот, заново использовать» [13].

То есть, несмотря на попытки Достоевского «высечь» Белинского в жесткой пародии, окончательного приговора нет. Эту функцию пародии в творчестве Достоевского отмечал, например, Н.М. Чирков: «Комическое снижение подчас имеет у него своей функцией прямое пародирование патетического. Однако такое пародирование в конечном счете заостряет патетическое» [20. С. 173]. Мы можем говорить о том, что и в данном случае объект пародии – Белинский – в ходе пародирования поднимается над **пародией**.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. М.: Республика, 1994.
2. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Том 12. М., 1956.
3. Борцовский З. С. Щедрин и Достоевский. М., 1956.
4. Буданова Н.Ф. Примечания к седьмому тому собрания сочинений Ф.М.Достоевского// Собрание сочинений в 15-томах. Т. 7.
5. Гроссман Л. П. История создания и публикации "Села Степанчикова" // Достоевский Ф. М. Село Степанчиково и его обитатели: Из записок неизвестного / ред. Л.П. Гроссмана. М., 1935.
6. Достоевская А. Г. Воспоминания./ Вступ. статья, подгот. текста и примеч. С.В.Белова и В.А.Туманинова. М.: Худож. лит., 1981.
7. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15-томах. Т. 7.
8. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. Ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.
9. Касаткина Т. А. Характерология Достоевского. Типология эмоционально-ценностных ориентаций. М.: Наследие, 1996.
10. Кибальник С. А. По следам героев Достоевского. Литературоведческие расследования.
11. Кирпотин В. Я. Достоевский и Белинский. Изд. второе, дополненное. – М., «Худож. лит.», 1976.
12. Кирпотин В. Я. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова // Избранные работы в трех томах. Т. 3. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова. Достоевский-художник. М.: Худож. лит., 1978.
13. Куонжич Д. Пародия как повторная переработка (литературной) истории//НЛО, №80, 2006. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/80/ku6.html>.
14. Мочульский К. В. Достоевский. Жизнь и творчество. Париж, 1980.
15. Розанов В. В. Семейный вопрос в России. Том первый. СПб.: Типография Меркушева, 1903.
16. Ребель Г. М. Прочтение: Силовые линии русской литературы XIX века. Пермь: Aster Digital, 2016.
17. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Том 12. М., 1956.
18. Сараскина Л. И. Вольные мысли о «горниле сомнений» // Достоевский и мировая культура. Альманах № 32. 2014.
19. Тургенев И. С. Воспоминания о Белинском//Истинный рыцарь духа. Статьи о жизни и творчестве В.Г. Белинского / Сост. И.Р. Монахова; Науч. ред. и автор вступ. статьи Ю.В. Манн. М.: Прогресс-Традиция, 2013.
20. Чирков Н. М. О стиле Достоевского. – М., 1967.
21. Чулков Г. И. Последнее слово Достоевского о Белинском// Достоевский. Сборник статей. М., 1928. Вып. 3.

Поступила в редакцию 04.09.17

N.A. Makurina

THE PARODIC CHARACTER OF APPEALING TO V.BELINSKY'S FIGURE IN F. DOSTOYEVSKY'S NOVELS "CRIME AND PUNISHMENT" AND "DEMONS"

The article deals with the parody on Belinsky in "Crime and Punishment" and "Demons". We are most interested in that part of the novels which reveals the time shift, highlighted by Kirpotin. In his opinion, Dostoevsky transgressed the time line, identifying the ideas of Belinsky with the attitudes of nihilists of the 1860s. The issues, raised by Belinsky and mockingly interpreted by nihilists, include the question of women's rights, the institution of family and marriage, national customs and traditions, religion, and socialism. The past of Belinsky and his ideas, as personified by Lebeziatnikov in "Crime and Punishment" and the youth in "Demons", is carried to the point of absurdity and discredited. Yet at the same time this past is shown to be fake, and instead of exposing the liberals of the 1840s, the parody strikes at both the liberal fathers and their nihilistic children. Contrary to the author's intention, this parody exposes and emphasizes the conceptual difference between the "fathers" and the "sons".

Keywords: literary parody, nihilism, continuity, precedent text, object of parody.

Макурина Надежда Андреевна,
аспирант кафедры русской и зарубежной литературы
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24
E-mail: smertpopse@bk.ru

Makurina N.A.,
postgraduate student at Department of Russian
and foreign literature
Perm State Humanitarian Pedagogical University
Sibirskaya st., 24, Perm, Russia, 614990
E-mail: smertpopse@bk.ru